

УДК 316.334.52(470.21)(045)

DOI: 10.17238/issn2221-2698.2019.37.118

Особенности локальной идентичности жителей моногородов (на примере Мурманской области) *

© **НЕДОСЕКА Елена Владимировна**, кандидат социологических наук, доцент, старший научный сотрудник

E-mail: nedelena-24@yandex.ru

Социологический институт РАН — филиал ФНИЦ РАН, Санкт-Петербург, Россия

© **ЖИГУНОВА Галина Владимировна**, доктор социологических наук, доцент, профессор

E-mail: galina-zhigunova@yandex.ru

Мурманский арктический государственный университет, Мурманск, Россия

Аннотация. В статье представлен анализ локальной идентичности жителей моногородов в условиях Арктической зоны Российской Федерации (АЗРФ) на примере Мурманской области, имеющей в своём составе половину моногородов Арктической зоны. Авторы, понимая локальную идентичность как часть территориальной идентичности, представляют её символическим пространством для создания и укрепления чувства территориальной принадлежности. При этом положительная идентификация населения с территорией проживания, по мнению авторов, способствует построению эффективной системы регионального взаимодействия и является одним из важнейших факторов устойчивого развития территорий. По результатам эмпирического исследования были получены позитивные и негативные факторы её проявления у жителей моногородов обследуемого региона (методы анкетирования (n=428), глубинного интервью (n=12)), определены оценка связи с местом проживания и социально-экономического положения жителей, степень привлекательности городов и миграционные установки населения. Авторы показывают, что социально-экономический образ региона в сознании его жителей складывается во взаимосвязи с проявлением их укоренённости. Отличительным свойством локальной идентичности жителей моногородов Мурманской области является материальный фактор, который определяет уровень выраженности связи с местом проживания, а повышение благосостояния прямо пропорционально росту идентификации с городом, что имеет стратегическое значение для выстраивания региональной политики в моногородах.

Ключевые слова: локальная идентичность, территориальная идентичность, моногород, Арктическая зона Российской Федерации, Мурманская область.

Features of local identity of single-industry town residents (the case of the Murmansk Oblast)

© **Elena V. NEDOSEKA**, Cand. Sci. (Soc.), Associate Professor, Senior Researcher

E-mail: nedelena-24@yandex.ru

Sociological Institute, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology, Russian Academy of Sciences, Saint Petersburg, Russia

© **Galina V. ZHIGUNOVA**, Doc. Sci. (Soc.), Professor

E-mail: galina-zhigunova@yandex.ru

Murmansk Arctic State University, Murmansk, Russia

Abstract. The article presents an analysis of the local identity of single-industry town residents in the Arctic zone of the Russian Federation (AZRF) in the case of the Murmansk Oblast, which has half the single-

* Для цитирования:

Недосека Е.В., Жигунова Г.В. Особенности локальной идентичности жителей моногородов (на примере Мурманской области) // Арктика и Север. 2019. № 37. С. 118–133. DOI: 10.17238/issn2221-2698.2019.37.118

For citation:

Nedoseka E.V., Zhigunova G.V. Features of local identity of single-industry town residents (the case of the Murmansk Oblast). *Arktika i Sever* [Arctic and North], 2019, no. 37, pp. 118–133. DOI: 10.17238/issn2221-2698.2019.37.118

industry towns of the Arctic zone. Considering local identity as a part of territorial identity, the authors present it as a symbolic space for creating and strengthening the sense of territorial identity. At the same time, according to the authors, the people's identification related to the area of residence contributes to the construction of an effective system of regional interaction. It is one of the critical factors for the sustainable development of territories. According to the results of the study, positive and negative factors of identity manifestation were obtained from the residents of single-industry towns of the surveyed area (questionnaire (n=428), in-depth interviews (n=12)); the assessment of connection with the place of residence and socio-economic status of residents, the degree of attractiveness of cities and migration attitudes of the population were determined. The authors argue that the socio-economic image of the area in the minds of its residents is developing along with the manifestation of their rootedness. A distinctive feature of the local identity of single-industry town residents in the Murmansk Oblast is well-being. It determines the visibility of communication with the place of residence. The increase in prosperity is proportional to the growth of identification with the town, and it is of strategic importance for building regional policies in single-industry towns.

Keywords: *local identity, territorial identity, single-industry town, the Arctic zone of the Russian Federation, the Murmansk Oblast.*

Введение

Социокультурное пространство современной России представляет собой региональное многообразие, которое обусловлено как историческими, так и геополитическими и социально-экономическими изменениями, происходящими с 1990-х гг. по настоящее время.

Региональная дифференциация для нашей страны имеет глубокие объективные основания. Во-первых, территория Российской Федерации расположена в девяти часовых поясах, практически во всех природно-климатических зонах, с уникальным природно-сырьевым потенциалом, населённая множеством этносов, с разнообразной конфигурацией поселенческих структур. Во-вторых, наша страна объединяет множество региональных сообществ, жизнедеятельность которых протекает в особых условиях.

Территориальный принцип структурирования социального пространства порождает необходимость постоянного уточнения роли конкретного региона и локальной территории в системе внешне-, внутри- и межрегиональных взаимодействий. Это требует определения направлений развития того или иного региона, выявления и обеспечения защиты социально-экономических интересов регионального сообщества и формирования позитивного образа территорий. Как отмечает К. Топку, сегодня трудно сохранить и укрепить локальный характер малых городов (территорий) в глобализирующемся мире [1, Торсу К., с. 371].

Успешное решение указанных задач во многом определяется особенностями формирования и содержания локальной идентичности. Положительная идентификация жителей с территорией проживания может благоприятствовать построению эффективной системы регионального взаимодействия, консолидации регионального сообщества и являться одним из весомых факторов устойчивого и поступательного развития территорий.

В современных российских реалиях диспропорции в социально-экономическом развитии и управленческом влиянии в регионах приводят к серьёзным системным сдвигам, породившим взаимоотношения между центром и регионами по принципу «центр — периферия», где основной характеристикой является удалённость периферии, сопряжённая с отста-

лостью и стагнацией. Немаловажным фактом остаётся создаваемая национальными и региональными проектами конкуренция внутри регионов между муниципальными образованияами, которые вынуждены бороться между собой за получение ресурсов из бюджетов более высокого уровня [2, Морозова Е.В., Улько Е.В., с. 139].

Эти обстоятельства сформировали вызов для государственной политики России и требуют поиска механизмов её формирования и последующей реализации. Актуальность вопросов развития регионов находит подтверждение в программных документах российского государства, в частности, в предложении Президента РФ В.В. Путина развернуть масштабную программу пространственного развития России, включая развитие городов и других населённых пунктов, и как минимум удвоить расходы на эти цели в предстоящие шесть лет ¹.

Одним из главных вызовов социальной и политической стабильности нашей страны является обеспечение развития моногородов. Важным документом по развитию моногородов в этой связи является «Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года» ², где развитие моногородов показано как одно из направлений пространственного развития нашей страны.

Локальная идентичность как социальный феномен

Ключевой исследовательский вопрос, определивший проблематику данной работы, заключается в исследовании особенностей локальной идентичности населения моногородов.

Обращаясь к понятию «идентичность», нужно иметь в виду амбивалентный характер данного явления, обозначенный ещё Э. Эриксоном, рассматривающий идентичность с одной стороны как статичное явление, а с другой — как динамичное. Исходя из амбивалентности понятия, мы будем рассматривать локальную идентичность с позиций конструктивистского подхода. В данной парадигме идентичность — это размещение в «жизненном мире», и поэтому она может быть усвоена лишь вместе с социальным миром. Но этот мир должен быть понятен индивиду и, по возможности, наглядно представлен в существующих образах повседневного порядка. Иначе говоря, мир никогда не является целиком закрытым и детерминированным — он всегда открыт для новых интерпретаций и преобразований. Другими словами, идентичность — это нечто такое, что может выбираться, может быть сконструировано и это то, чем можно манипулировать [3, Головнёва Е.В., с. 43].

Локальная идентичность является одной из составляющих территориальной идентичности, которая, мнению Н.А. Шматко и Ю.Л. Качанова, означает переживаемые и / или осознаваемые смыслы системы территориальных общностей (субъективной социально-

¹ Послание Федеральному Собранию от 1 марта 2018 г. // Консультант Плюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_291976/ (дата обращения: 22.06.2019).

² Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года / утв. распоряжением Правительства Российской Федерации от 13.02.2019 г. № 207-р // Консультант Плюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_318094/006fb940f95ef67a1a3fa7973b5a39f78dac5681/ (дата обращения: 22.06.2019).

географической реальности), формирующие практическое чувство или сознание территориальной принадлежности индивида [4, Шматко Н.А., Качанов Ю.Л.]. Соответственно, локальная идентичность означает идентификацию человека с местным сообществом, чувство сопричастности по отношению к событиям и ситуациям, происходящим на территории непосредственного проживания (города, района, посёлка, микрорайона) [2, Морозова Е.В., Улько Е.В., с. 140]. В этом смысле территория выступает в качестве символического пространства для создания и укрепления идентичности.

В понимании локальной идентичности важно учитывать понятие групповой идентичности. Групповая идентичность основана на идее, что люди признают себя частью группы, и их благополучие и статус связаны с этой группой [5, Wilcox-Archuleta B., с. 961]. Привязанность к локальному сообществу, включая территориальное, показывает и представления индивидов об успешности и удовлетворённости жизнедеятельностью в конкретных условиях.

В процессе исследования локальной идентичности важно выделить чёткие идентификационные границы определённой местности какого-либо региона.

В этой связи особый интерес представляет идентичность моногородов, входящих в Арктическую зону Российской Федерации (АЗРФ). Моногорода АЗРФ обладают так называемой спецификой «северности», связанной с их расположением в районах с экстремальными климатическими и природными условиями, что, как отмечают Е.Е. Плисецкий и Е.А. Малицкая, накладывает отпечаток на характер и направления их развития, функционирования ключевых систем жизнеобеспечения [6, с. 86].

Среди областей Арктической зоны наиболее показательна, по нашему мнению, Мурманская область, включающая в себя половину всех моногородов. Особенно интересен этот регион в связи с причислением его к опорным территориям Арктической зоны РФ, что определено «Стратегией развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2030 года» и Государственной программой «Социально-экономического развития Арктической зоны Российской Федерации на период до 2025 года». Также «Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года» обозначает экономическую специализацию региона в отраслях, которые профильно завязаны на моногородах, например, добыча полезных ископаемых, металлургическое и химическое производства.

К моногородам Мурманской области относятся следующие административно-территориальные образования: города Заполярный, Кировск, Мончегорск, Оленегорск, Никель, Ковдор и городское поселение Ревда. Согласно данным официальной статистики, на 1 января 2019 г. в обозначенных населённых пунктах общая численность городского населения составила 138,8 тыс. человек, что составляет 18,6% от общего числа жителей области и 20,1% от городского населения региона ³.

³ Численность населения по муниципальным образованиям Мурманской области на 1 января 2019 года и в среднем за 2018 год // Федеральная служба государственной статистики, Территориальный орган Федераль-

Несмотря на природно-климатическую, ресурсную специфику, стратегическое значение Мурманской области (регион-форпост, регион-фронт), область находится в сложном социально-экономическом положении, что в значительной степени сказывается на образе региона и идентификации с ним жителей.

Как отмечают Е.Г. Анимица и коллектив авторов, моногорода региона не в состоянии полностью удовлетворить комплекс социальных, культурных и образовательных потребностей населения, поэтому проблема роста уровня их социально-культурной самодостаточности остаётся достаточно острой [7, с. 16]. Учитывая данную точку зрения и сложное социально-экономическое положение Мурманской области, представляется, что жители моногородов региона оказываются в ещё более сложном положении, где кризис локальной идентичности усугубляется монофункциональной структурой города с соответствующей низкой диверсификацией сфер занятости населения (однородный профессиональный состав), высоким уровнем безработицы, однообразной культурной жизнью.

Факторы формирования локальных идентичностей моногородов АЗРФ

С нашей точки зрения, локальные идентичности моногородов обусловлены целым рядом факторов, которые позволяют более рельефно взглянуть и на проблему региональной идентичности в целом.

Во-первых, являясь продуктом советской системы административно-территориального деления, моногорода оказались в более сложном социально-экономическом положении после распада Советского Союза. Происходившие трансформации геополитического и социально-экономического характера, запустившие негативные процессы в социальной сфере моногородов, привели к интенсивному оттоку и маргинализации населения в большей степени, чем это прослеживалось в больших городах. А отсутствие ресурсов и реальных рычагов воздействия на кризисные явления привели территории к депрессивным состояниям. Поэтому негативные характеристики локальной идентичности будут прослеживаться здесь более рельефно.

Во-вторых, будучи наследством от Советской системы административно-территориальной организации, с её политикой распределения и социальными гарантиями, жители моногородов больше всего транслируют ностальгию по советскому прошлому. К жизни в новых капиталистических реалиях, требующих большей индивидуальной ответственности и активности, население оказалось не готовым. Данное обстоятельство особо культивируется представителями той возрастной группы, которая застала жизнь (либо детство, либо трудовую деятельность) в советских реалиях, и именно эта группа начинает всё больше преобладать в возрастной структуре моногородов, в основном из-за оттока молодёжи по причине низкой привлекательности жизни в них.

В-третьих, производственная привязка к ограниченному числу предприятий остаётся для моногородов основой экономической жизни. Это обстоятельство особым образом сказывается на структуре локальной идентичности, где определённое место занимает корпоративная идентичность. Большая часть трудоспособного населения моногородов продолжает быть занятой на градообразующих предприятиях, которые, будучи незаинтересованными в текучке кадров, стараются удерживать их в пределах региона. В 1990-е гг. основные промышленные предприятия были приобретены крупнейшими российскими бизнес-структурами, например, на территории обозначенных моногородов Мурманской области функционируют такие крупнейшие корпорации, как ПАО «ГМК Норильский Никель», АО «МХК ЕвроХим», ПАО «Северсталь», ПАО «ФосАгро», АО «РусАл Урал» и другие. Центры принятия решений и прибыли компаний находятся за пределами региона.

Исследователь региона Измоденова Н.Н. отмечает, что «экспортно-ресурсная ориентация экономики порождает зависимость от колебаний цен на мировом рынке сырья. При ухудшении конъюнктуры крупные компании, как правило, снижают объёмы производства, занижают цены на продукцию производственных подразделений в регионах добычи. Таким образом, прибыль концентрируется в центральных управленческих структурах, и затем средства перераспределяются на те направления, которые приоритетны для бизнес-групп. Возникает конфликт интересов компаний и региона их базирования, недополучающего налоги.

Пришедшим в область компаниям интересны эффективность и прибыль, а не социум, не люди с их потребностями. Население рассматривается как эффективная или неэффективная рабочая сила» [8, Измоденова Н.Н., с. 53]. И в этом смысле локальная идентичность наполняется качественными характеристиками дополнительного содержания. Градообразующие предприятия с их корпоративной культурой являются значительным агентом влияния на локальную идентичность в поселениях данного типа, где особый образ жизни (связанный с повседневной коммуникацией и непосредственным взаимодействием горожан и их групп по самым различным поводам) воспроизводит особую ментальность. Здесь формируются солидарные группы со своими лидерами и авторитетами, у которых складываются формальные и неформальные отношения с управленческими структурами предприятий, зона влияния которых зачастую распространяется далеко за пределы организаций. Немаловажную роль играет и характер профессиональной деятельности большинства трудоспособного населения, так, имея узкую специализацию профильного рабочего (например, горнорабочего), возможности для диверсификации трудовой деятельности по специальности за пределами региона сведены к нулю, если только речь не идёт о территориях с похожей отраслевой принадлежностью. Но и здесь включается ряд обстоятельств, которые скорее являются факторами удержания и укоренения: полярные надбавки, длительный отпуск, северная пенсия, социальные пакеты самих корпораций. Так, средняя заработная плата по состоянию на апрель 2019 г. в таких отраслях, как добыча полезных ископаемых, составила

88 516,0 руб., в металлургическом производстве 75 509,0 руб., притом что средняя заработная плата в целом по региону составляет 58 227,0 руб.⁴

В-четвёртых, немаловажным обстоятельством, качественно наполняющим локальные идентичности в моногородах, в том числе Мурманской области, являются последствия деятельности градообразующих предприятий, которые негативно сказываются на экологии территориальных образований. Данное обстоятельство рассматривается как отягощающее и вносит в образ мест проживания отрицательные характеристики.

Результаты исследования И. Рощиной и Н. Артюховой показывают, что большинство исследованных ими моногородов (9 из 11) имеет очень низкий индекс счастья. Кроме того, большинство жителей моногородов не удовлетворено состоянием окружающей среды, тенденциями развития муниципального образования, безопасностью жизнедеятельности и материального благосостояния [9, с. 44–45].

Важно отметить, что моногорода представляют собой микросоциумы региона, наполненные ограниченным числом идентификационных маркеров. Данное обстоятельство требует пристального исследовательского внимания, прежде всего, с точки зрения понимания процессов, протекающих в регионе в структуре по городам.

Немаловажным для обоснования локальной идентичности является исторический контекст становления моногородов региона, население которых формировалось за счёт миграций первой половины XX в. Интенсивное освоение территории Кольского Севера шло в том числе благодаря разработке новых месторождений и строительству горно-обогатительных предприятий. Социально-демографический состав приезжих был очень разноплановым, сюда приезжали со всех регионов Советского Союза как добровольно, так и принудительно. Начиная с 30-х гг. XX в. жители территорий приобрели преимущества в виде дополнительных материальных преференций за проживание в условиях Крайнего Севера, это были полярные надбавки, длительный отпуск, северная пенсия и прочее. Этнический состав моногородов Мурманской области разнообразный, коренного населения в них практически нет, саамов и коренных жителей около 2 тысяч на всю Мурманскую область.

На сегодняшний день Мурманская область является высокоурбанизированным регионом (92% городского населения) с высоким уровнем образования населения.

Возвращаясь к моногородам, необходимо отметить, что по степени влияния кризиса эксперты предлагают следующую классификацию:

- 5% моногородов — территории с высокой степенью проявления кризисной ситуации, и требуется срочное принятие мер на федеральном уровне. В Мурманской области к данным территориям относятся пгт Ревда и г. Кировск;
- 15% находятся в зоне повышенной степени риска — главную роль в решении проблем моногородов должны играть субъекты Российской Федерации. В Мурман-

⁴ Данные о среднемесячной номинальной начисленной заработной плате работников организаций по видам экономической деятельности // Социально-экономическое положение Мурманской области в январе – мае 2019 года: доклад / Федеральная служба государственной статистики, Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Мурманской области. Мурманск, 2019. С. 43–44.

ской области в обозначенной зоне остаются Мончегорск, Ковдор, Никель, Заполярный, Оленегорск;

- 80% требуют регулярного мониторинга социально-экономического состояния на региональном и федеральном уровнях и разработки программ развития моногородов на средне- и долгосрочную перспективу. В Мурманской области монопрофильных образований обозначенного типа нет.

На протяжении последних десятилетий моногорода Мурманской области испытывают серьёзную демографическую нагрузку, одной из причин которой является интенсивный отток населения (рис. 1).

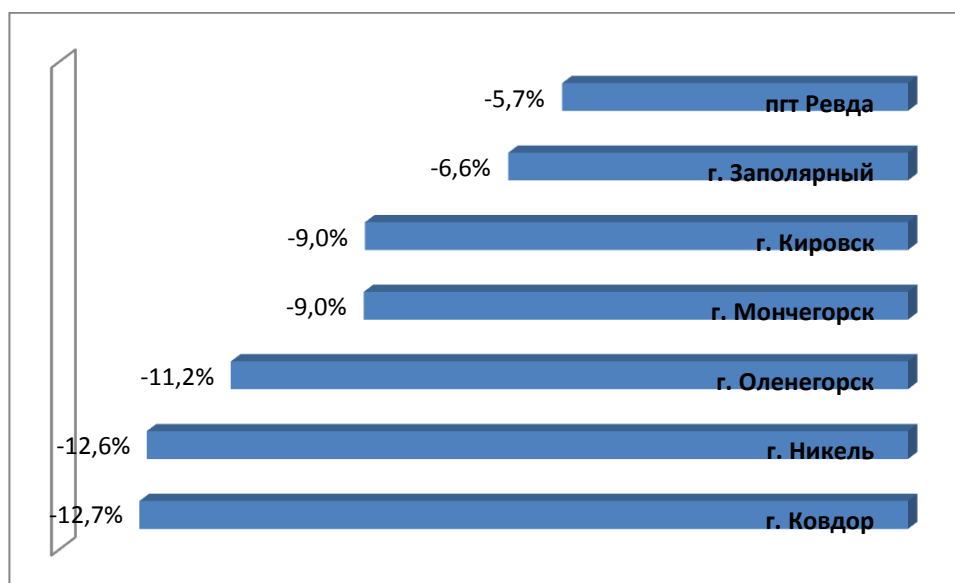

Рис. 1. Динамика падения численности населения в моногородах Мурманской области в период с 2010 по 2019 гг.⁵

Данное обстоятельство признаётся негативным фактором социально-экономического развития области, и на различных уровнях власти предлагаются различные меры по повышению уровня жизни и привлекательности территорий (от федеральных — «Стратегия развития Арктической зоны РФ и обеспечение национальной безопасности в период до 2030 года», Государственная программа «Социально-экономического развития Арктической Зоны Российской Федерации»; до региональных — «Стратегия экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года», программа «Социально-экономического развития Мурманской области до 2020 и на период до 2025 года», Программы комплексного развития моногородов Мурманской области, создание территорий опережающего социально-экономического развития и пр.). Несмотря на ряд провозглашённых государственных мер, направленных на удержание населения и повышение качества жизни территорий, миграционное сальдо и привлекательность территорий продолжают иметь отрицательное значение.

⁵ Численность населения на начало года // Федеральная служба государственной статистики, Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Мурманской области. URL: http://murmanskstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/murmanskstat/ru/statistics/population/ (дата обращения: 17.06.2019).

Исследование локальных идентичностей жителей моногородов Мурманской области

С целью выявления локальных идентичностей жителей моногородов Мурманской области авторами в период с 2016 по 2019 гг. было проведено социологическое исследование. Эмпирической базой исследования послужили данные социологических опросов, собранные посредством электронного анкетирования ($n=428$) и глубинных интервью с жителями моногородов ($n=12$). Опросы проводились по следующим моногородам Мурманской области: Мончегорск, Оленегорск, Заполярный, Ковдор, Кировск. Возраст опрошенных от 14 до 75 лет.

Анализ локальной идентичности производился через такие показатели, как образ города (оценка связи с местом проживания, степень привлекательности города, оценка социально-экономического положения) и миграционные установки.

Оценка связи с местом проживания. При изучении привязанности к месту проживания предлагалось выделить несколько уровней идентификации: локальный (город / посёлок), субрегиональный (Мурманская область) и макрорегиональный (Север). Наиболее сильную привязанность, соответствующую пяти баллам, респонденты испытывают с Россией — такую позицию указала почти половина опрошенных (49,6%). Далее следует привязанность к своему городу / посёлку — она отмечается у 35,4% респондентов. Четверть опрошенных указала связь в пять баллов с Севером (26,4%), каждый пятый — с Мурманской областью (20,1%). При суммировании положительных оценок в зоне 4–5 баллов и отрицательных 1-ого и 2-х баллов оценки распределяются следующим образом: наиболее сильную связь жители моногородов ощущают с Россией (70,4%) и со своим городом / посёлком (64,2%) и только 15,7% и 14,9% соответственно дают низкие оценки привязанности по этим показателям. Высокую привязанность к Мурманской области испытывают 52,0% респондентов, к Северу — 50,4%. При этом каждый четвёртый (26,4%) житель отмечает, что практически не испытывает привязанности к Северу и каждый пятый (21,0%) — к Мурманской области. Анализ средних значений баллов отражает описанную ситуацию, где с наибольшей силой проявляется гражданская и локальная региональная идентичности (4,0 и 3,8 балла соответственно), с меньшей — субрегиональная и макрорегиональная (по 3,4 балла).

Статистическое подтверждение получила зависимость от места рождения, привязанность к Мурманской области и России: те, кто родился в изучаемом регионе, относительно более привязаны к Мурманской области. Напротив, те, кто родился в другом регионе, имеют ярко выраженную гражданскую идентичность, отмечая большую привязанность к стране проживания в целом. Возраст переезда также по-разному влияет на проявления привязанности респондентов к месту проживания. Так, к своему городу (посёлку) испытывают большую привязанность приехавшие в детском возрасте (до 10 лет) — 3,9 балла, чем те, кто переехал в 20–29 лет — 2,8 балла. Стоит также отметить статистические различия по t — критерию в привязанности к Северу: в группе переехавших в детском возрасте (до 10 лет) — составляет 3,6 балла, а в старших возрастных группах респондентов (после 20 лет) — по 2,7

балла. По отношению к Мурманской области статистические различия в оценке привязанности младших (до 9 лет и 10–19 лет) и старших (20–29 лет и после 30 лет) возрастных групп: первые сравнительно более привязаны к региону. Связь с Россией как проявление гражданской идентичности не зависит от возраста переезда в Мурманскую область.

Степень привлекательности жизни в моногороде. В целом города проживания в значительной мере привлекательны лишь для 29,8%, т.е. менее чем для трети опрошенных. Каждый четвёртый респондент (26,8%), напротив, достаточно низко оценивает привлекательность жизни в моногороде. Почти половина опрошенных (43,4%) указали, что есть черты, привлекательные для проживания, и те факторы, которые делают место проживания непривлекательным.

С целью определения таких черт были заданы открытые вопросы, где предлагалось указать, в чём респонденты видят привлекательность жизни в городе и что для них непривлекательно. Данные вопросы явились попыткой вскрыть содержательную составляющую, являющуюся достаточно абстрактным понятием, трудно поддающимся непосредственному эмпирическому измерению. Основу привлекательности жизни в моногородах формируют такие черты, как: «северная природа, климат»; «уровень жизни», «люди, менталитет». В то же время первые две характеристики лидируют в рейтинге непривлекательных черт территорий проживания. Так, среди проблем жизни в регионе преобладают: «северная природа, климат», «экология», «здоровье», «уровень жизни», «развитие, перспективность», а также «инфраструктура, дороги».

На наш взгляд, особенности северной природы и климата и параметры уровня жизни образуют ядро и локальной, и региональной идентичности населения Мурманской области. Причём обе эти характеристики амбивалентно сочетаются в самосознании жителей. С одной стороны, холодное лето, суровая зима, полярная ночь являются факторами риска, ухудшающими здоровье жителей региона, и зачастую оцениваются как непривлекательные черты. С другой стороны, красота северной природы, северное сияние, полярный день составляют экзотическую среду обитания и положительно воспринимаются респондентами. Оценка параметров уровня жизни во многом определяется личностными потребностями и амбициями: если для одних наличие северных и полярных надбавок представляет особое преимущество жизни в регионе, то для других — это явно недостаточная «плата» за жизнь в суровых условиях вечной мерзлоты.

Сравнительный анализ позволяет увидеть, что природно-климатические условия в большей степени характеризуют негативный тип локальной идентичности (65,4 против 47,7%), а уровень жизни в сознании молодых людей имеет относительно более высокие показатели, чем в других регионах, и составляет основу позитивной идентичности (23,2 против 12,6%). Особая ментальность северных людей (спокойствие, доброжелательность, порядочность и т.д.) характеризует положительный вектор самосознания респондентов (11,7 против 2,3%). Экологическая ситуация и условия для поддержания здоровья, напротив, в большин-

стве своём отрицательно воспринимаются опрошенными (14,0 против 2,9%). Такая черта, как развитие и перспективность региона, также достаточно ярко выражена в структуре позитивной и негативной локальной идентичности северян (8,0 и 11,5% соответственно). Интересным является тот факт, что респонденты молодого возраста более критично оценивают данный параметр, указывая: «нечего ловить», «здесь нет перспектив для самореализации», «развитие региона находится на очень низком уровне».

Положительные оценки развития и перспектив региона в основном связывались респондентами с наличием природных ресурсов, незамерзающего порта, приграничного статуса (близость к Скандинавии), молодостью самого региона.

Далее респондентам предлагалось определить, в чём именно они видят перспективы развития своих территорий. В качестве самого популярного направления развития своих поселений респонденты указали промышленную деятельность и освоение природных ресурсов Арктики (42,9%): развитие заводов, разработка полезных ископаемых, развитие горно-металлургической промышленности, развитие энергетики и прочее. Почти столько же опрошенных (42,1%) видят перспективы развития в туристической отрасли, сфере досуга, спорта, культуры и творчества. Каждый пятый опрошенный указывал на важность развития инфраструктуры, транспорта, строительства, дорог, сферы услуг (19,7%). В эту категорию были включены те ответы, которые отражали необходимость развития и модернизации городской среды (развитие учреждений и материальной базы сфер образования, медицины, культуры и спорта, досуга; дорожные работы и так далее).

Оценка социально-экономического потенциала территорий проживания. По результатам анализа данного показателя было выявлено, что он дифференцируется в различных социально-демографических группах. Так, сравнительно более критично настроены представители средней возрастной группы (от 30 до 49 лет), жители со средним специальным образованием, а также высоко- и низкообеспеченные слои. Напротив, высокие оценки сравнительно чаще демонстрируют жители моногородов с высшим образованием или без профессионального образования (среди последних преимущественно молодёжь), представители среднего слоя по уровню материального благополучия. Интересно, что приезжие респонденты относительно более поляризованы в оценке социально-экономического положения региона, чем родившиеся в Мурманской области. Значение индекса во многом зависит от времени переезда: приезжие в зрелом возрасте более критично настроены, чем те, кто приехал в раннем детстве.

Социально-экономический образ региона в сознании его жителей складывается во взаимосвязи с проявлениями их укоренённости. Так, низкие значения индекса коррелируют с проблематичным отношением к природным явлениям Севера (чаще отмечаются трудности адаптации и восприятия), с меньшей вовлечённостью в региональные практики и виды отдыха, с большей ориентацией на эмиграцию, с низкой привлекательностью региона для

жизни и отсутствием идентификации с местом проживания в качестве «малой родины» в целом.

Миграционные установки. Прежде чем перейти к анализу миграционных установок жителей моногорода, остановимся на данных Федеральной службы государственной статистики по миграционной ситуации в регионе в целом. По результатам 2017 г., количество выбывших из Мурманской области составило 43,4 тыс. человек, за последние пять лет ситуация с выбытием остаётся достаточно устойчивой в количественном отношении +/- 1,5% (в 2013 г. выбывшие составили 43,5 тыс. человек)⁶. При этом основной отток населения приходится на городские поселения. Относительно территориальных направлений выбывших можно констатировать преобладание внутрироссийской миграции, в 2017 г. по регионам РФ разъехались 91,0% жителей Мурманской области, в 2013 — 95,4%⁷.

Данные статистики также свидетельствуют о превалировании в числе выбывших из региона экономически активных граждан. В общем числе мигрантов более 65% составляют граждане трудоспособного возраста (большую долю прибывших составляют граждане 20–24 лет, выбывших — 30–39 лет). Отток молодёжи как социально-экономического потенциала региона является усугубляющим фактом миграционной ситуации в Мурманской области.

По результатам анализа опроса жителей моногородов, большинство респондентов (52,7%) планирует свой отъезд. В том числе каждый десятый (11,2%) намерен покинуть место проживания в течение года, 27,6% опрошенных собираются уехать через 3–5 лет. Каждый пятый (20,9%), выразивший желание покинуть город, собирается сделать это через 6–10 лет. Меньшинство респондентов — (9,2%) откладывают переезд на 11–20 лет.

Среди основных причин доминируют проблемы социально-экономического характера: сокращение рабочих мест, низкая заработная плата, недостаточные условия для самореализации; на втором месте причины природно-климатического характера — суровые климатические условия, которые значительно сказываются на здоровье. Интересным являются результаты кластерного анализа, по результатам которого, была выявлена статистическая зависимость между оценочным уровнем благосостояния и удовлетворённостью жизнью в регионе. Так, люди с более высоким уровнем дохода демонстрируют высокую степень удовлетворённости жизни в регионе (19,8%).

⁶ Общие итоги миграции населения // Федеральная служба государственной статистики, Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Мурманской области. URL: http://murmanskstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/murmanskstat/ru/statistics/population/ (дата обращения: 12.06.2019).

⁷ Распределение мигрантов по территориям прибытия и выбытия по Мурманской области за 2017 год // Федеральная служба государственной статистики, Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Мурманской области. URL: http://murmanskstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/murmanskstat/ru/statistics/population/ (дата обращения: 12.06.2019).

Предпочтительными направлениями переезда обозначаются Санкт-Петербург (Ленинградская область), Москва (Московская область), южные регионы РФ (Краснодарский край, Белгородская область).

Дополнить анализ по вышеуказанным индикаторам необходимо результатами глубинных интервью.

Относительно образов городов ситуация по всем объектам исследования схожа. Так, в представлениях населения в образе доминирует «пролетарская идентичность» [10, Давыдов Д.А.]. Большинство населения ассоциирует свои города исключительно с деятельностью промышленных предприятий, предприятия остаются по-прежнему главным источником занятости. Зачастую местная политическая элита формируется из выходцев данных предприятий (все действующие главы администраций имели опыт руководящих позиций на промышленных предприятиях своих поседений). Данное обстоятельство накладывает определённый отпечаток в том числе и на политику позиционирования городов, затрудняя уход от мифа «городов трудовой славы». Эта проблема имеет ряд последствий, прежде всего, для молодёжи, у которой такой образ скорее вызывает отторжение, многим не нравится жизнь в перспективных провинциальных городах. Свою потенциальную занятость на предприятиях они оценивают крайне неуверенно: *«Рабочие места постоянно сокращаются, устроиться работать на предприятии фактически невозможно, если ты только не чей-нибудь сын», «Я не хочу работать на комбинате, хочу уехать учиться в Питер и там остаться, хочу работать в сфере IT».*

Само качество жизни в городе тоже не вызывает оптимизма: *«сходить некуда», «ловить нечего», «глушь, хочу заработать на жильё и уехать отсюда», «врачей не хватает, приходится анализы сдавать ездить в Мурманск, пока все сделают, они [анализы] уже не актуальны», «детям здесь будущего нет», «экология ужасная, комбинат нас травит, ничего не растёт».*

У информантов, занятых на градообразующих предприятиях, присутствует чёткая связь в образе города с корпоративной культурой самого предприятия, которая зачастую распространяется за пределы рабочего процесса. Примечательными оказались примеры влияния корпоративности на непроизводственные ситуации: *«Когда выборы были, мы все обязаны были отчитаться линейному руководителю о том, что сходил и проголосовал. У руководителя были списки, и он отмечал. И за кого проголосовать желательно тоже скажали. Я голосовала как посчитала нужным, отзвонилась начальнику, что ходила на участок и всё».* Ситуация с добровольно-принудительным посещением выборов прослеживалась в 5 моногородах из 7. На вопрос о том, что было бы, если бы человек не пошёл на выборы и не отчитался, ответы были схожими: что, в принципе, ничего, возможно, и не последовало бы, но никто не рискует проявлять неисполнительность. Страх остаться без работы в условиях постоянной оптимизации кадрового состава — ведущее чувство занятых на предприятиях. По этой же причине информантами во всех городах отмечается то, что за послед-

ние пять лет с трудовой дисциплиной на предприятиях вообще не возникает проблем. Также работники, занятые в градообразующем предприятии отмечают постоянный вклад в развитие социальной инфраструктуры их городов. Фактически во всех моногородах за счёт предприятий были построены плавательные бассейны и спортивные клубы. Неотъемлемость корпоративности в структуре локальной идентичности определена и характером занятости: постоянная работа в условиях небезопасности формирует особый тип партнёрских отношений в коллективе, которые, как отмечали наши информанты, переходят и на нетрудовую повседневность — совместное проведение досуга и простая дружба между производственными сменами обычная практика для исследуемых моногородов. Групповая сплочённость является и причиной того, что в чертах привлекательности жизни в городе фигурируют особая ментальность с преобладанием таких человеческих качеств, как «спокойствие, доброжелательность, порядочность, открытость и так далее».

Важное, что отмечается при интервьюировании, это постоянная отсылка к советскому прошлому, которое присутствует в сравнительных характеристиках по широкому кругу вопросов у информантов, которые либо в детстве, либо в трудовом возрасте застали советские времена: *«Раньше [в советские времена] всё было по-другому, всё налажено, несколько совхозов работали, заводов... всё позакрывали, работать негде, на завод не устроиться», «Верните мне Советский Союз!»*. Жизнь в городе имеет чётко выраженный хронотоп: безоблачное советское прошлое — тяжёлое настоящее — малоперспективное будущее: *«Любой тут скажет, что не хочет, чтобы его дети тут жили. Какое здесь образование они могут получить? Я уже молчу о здравоохранении, больницы все позакрывали, бесплатно к врачам не попасть. Плюс выбросы от комбината, люди постоянно от рака умирают»*. Важно отметить, что информанты до 30 лет не воспроизводят советской идентичности вообще, прошлое не фигурирует в их сравнительных отсылках. Здесь ключевым являются отсылки к другим регионам, особенно к Санкт-Петербургу и некоторым южным. Факторами, определяющими миграционные настроения, являются природно-климатические условия, экология и некомфортность городской среды настоящего места жительства.

Плохая экология — это проклятье моногородов региона, по высказываниям местных жителей города Никеля — *«В нашем городе можно снимать Армагеддон»*. Активная деятельность предприятий в течение нескольких десятилетий превратила местность в выжженные пустыри с загрязнёнными водоёмами и редкой растительностью. Выбросы также являются причиной загрязнённого воздуха, что отражается на неутешительной статистике заболеваний. Плохая экология лидирует в причинах отъезда у местных жителей и является безусловным фактором оттока из моногородов.

Заключение

Подводя итоги, следует заметить, что большая часть населения Мурманской области считает свои города родными, демонстрируя значительную связь с местом своего проживания.

ния, но однозначно связывают свою жизнь с ними не более трети опрошенных. Лидирующими причинами возможного отъезда являются природно-климатические и экологические условия, а также социально-экономического характера. И здесь важно отметить и аналитическую находку в виде того, что отличительным свойством локальной идентичности является материальный фактор, значимо определяющий уровень выраженности связи с местом проживания. Повышение благосостояния прямо пропорционально росту идентификации с городом, что имеет стратегическое значение для выстраивания региональной политики в Мурманской области в целом.

Особенности северной природы и климата и уровень жизни, амбивалентно сочетающиеся в сознании горожан, являются стержневыми параметрами осознания себя в качестве жителей северного региона. Немаловажным фактором являются и досуговые практики, связанные с природно-климатическими условиями, которые очень высоко ценятся жителями моногородов — это рыбалка, охота, сбор ягод и грибов, зимние и летние виды спорта, более применимые в данных условиях. Собираательство и рыбалка с охотой также составляют для некоторых жителей дополнительный (иногда и единственный) источник дохода. «Местный патриотизм» жителей моногородов региона становится значимым фактором формирования их отношения к стране в целом: привязанность к городу проживания транслирует определённое состояние гражданского самосознания.

Литература

1. Topcu K. Determining a Strategy for Sustainable Development of Local Identity: Case of Birgi // Iconarp international journal of architecture and planning. 2018. Т. 6. Vol. 2. Pp. 371–398.
2. Морозова Е.В., Улько Е.В. Локальная идентичность: формы актуализации и типы // Политическое сознание и поведение. 2008. Т. 4. № 4. С. 139–150.
3. Головнёва Е.В. Региональная идентичность как форма коллективной идентичности и её структура // Лабиринт. Журнал социально-гуманитарных исследований. 2013. № 5. С. 42–50.
4. Шматко Н.А., Качанов Ю.Л. Территориальная идентичность как предмет социологического исследования // СОЦИС. 1998. № 4. С. 94–98.
5. Wilcox-Archuleta B. Local Origins: Context, Group Identity, and Politics of Place // Political research quarterly. 2018. Т. 71, Vol. 4. Pp. 960–974.
6. Плисецкий Е.Е., Малицкая Е.А. Специфика государственного и муниципального управления развитием монопрофильных муниципальных образований в Арктической зоне Российской Федерации // Арктика и Север. 2017. № 26. С. 85–97. DOI: 10.17238/issn2221-2698.2017.26.85
7. Анимича Е.Г., Бочко В.С., Пешина Э.В. и др. Концептуальные подходы к разработке стратегии развития монопрофильного города / Под науч. ред. А.И. Татаркина, М.В. Фёдорова; Урал. гос. экон. ун-т; Ин-т экономики УрО РАН. Екатеринбург: Изд-во УрГЭУ, 2010. 81 с.
8. Измоденова Н.Н. Социальная идентичность молодёжи Мурманской области // Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. 2018. № 2 (9), Вып. 13. С. 52–58.
9. Roshina I., Artyukhova N. Social Responsibility, Sustainable Development, Happiness and Well-being of Single Industry Towns' Population // European Proceedings of Social and Behavioural Sciences. Tomsk Polytechn Univ. Tomsk. 2017, Vol. 19, Pp. 43–50.
10. Давыдов Д.А. Моногородская идентичность и проблемы «промышленной ментальности» (на примере г. Магнитогорска) // Вестник Пермского научного центра. 2014. № 5. С. 73–79.

References

1. Topcu K. Determining a Strategy for Sustainable Development of Local Identity: Case of Birgi. *Iconarp international journal of architecture and planning*, 2018, t. 6, vol. 2, pp. 371–398.
2. Morozova E.V., Ul'ko E.V. Lokal'naya identichnost': formy aktualizatsii i tipy [Local identity: forms of actualization and types]. *Politicheskoe soznanie i povedenie*, 2008, vol. 4, no. 4, pp. 139–150.
3. Golovnyova E.V. Regional'naya identichnost' kak forma kollektivnoy identichnosti i ee struktura [Regional identity as a form of collective identity and its structure]. *Labyrinth. Journal of Philosophy and Social Sciences*, 2013, no. 5, pp. 42–50.
4. Shmatko N.A., Kachanov YUL. Territorial'naya identichnost' kak predmet sotsiologicheskogo issledovaniya [Territorial identity as a subject of sociological research]. *Sotsiological Studies*, 1998, no. 4, pp. 94–98.
5. Wilcox-Archuleta B. Local Origins: Context, Group Identity, and Politics of Place. *Political research quarterly*, 2018, t. 71, vol. 4, pp. 960–974.
6. Plisetskiy E.E., Malitskaya E.A. Spetsifika gosudarstvennogo i munitsipal'nogo upravleniya razvitiem monopofil'nyh munitsipal'nyh obrazovaniy v Arkticheskoy zone Rossiyskoy Federatsii [The features of state and municipal management of the development of single-industry settlements in the Arctic zone of the Russian Federation]. *Arktika i Sever* [Arctic and North], 2017, no. 26, pp. 85–97. DOI: 10.17238/issn2221-2698.2017.26.85
7. Animitsa E.G., Bochko V.S., Peshina E.V. i dr. *Konceptual'nye podkhody k razrabotke strategii razvitiya monopofil'nogo goroda* [Conceptual approaches to developing a development strategy for a single-industry city]. Ed. by A.I. Tatarkin, M.V. Fyodorov, Ekaterinburg, UrGEU Publ., 2010, 81 p. (In Russ.)
8. Izmodenova N.N. Sotsial'naya identichnost' molodezhi Murmanskoy oblasti [Young people's social identity of Murmansk Region]. *Trudy Kol'skogo nauchnogo tsentra RAN. Gumanitarnye issledovaniya*, 2018, no. 2 (9), vol. 13, pp. 52–58.
9. Roshina I., Artyukhova N. Social Responsibility, Sustainable Development, Happiness and Well-being of Single Industry Towns' Population. *European Proceedings of Social and Behavioural Sciences*, Tomsk Polytechn Univ. Publ., Tomsk, 2017, vol. 19, pp. 43–50.
10. Davydov D.A. Monogorodskaya identichnost' i problemy «promyshlennoy mental'nosti» (na primere g. Magnitogorska) [Monotown identity and problems of “industrial mentality” (on the example of Magnitogorsk)]. *Vestnik Permskogo nauchnogo tsentra*, 2014, no. 5, pp. 73–79.